

О социониме *чанка* в тюркских языках

В «Древнетюркском словаре» приведен интересный древнеуйгурский термин *чанг*, восходящий к китайскому потестарониму *чжан* в значении «разряд, степень чина»ⁱ.

Среди хазар (одних из предков чувашей, казанских татар, карачаевцев и балкарцев) бытовал социальный термин, титул хазарской верхушки – *б-л-джан* или *бул-чан*ⁱⁱ, о котором Н.С. Джигдалаевым и Т.М. Айтберовым написана обстоятельная статьяⁱⁱⁱ. Правда, авторы статьи, рассматривая бытование этого термина среди народов Северного Кавказа, в частности карачаевцев, допускали ошибку, утверждая, что в Карачае он появился во второй половине XIX в. под воздействием российской администрации. Само же понятие «чанка», по их мнению, уходит своими корнями в болгарскую языковую среду и было привнесено на территорию Дагестана раннесредневековыми болгарскими племенами.

Это утверждение можно отнести и к другим регионам. Во-первых, название социальных групп населения у народов Северного Кавказа, обозначаемых термином *чанка*, было известно с конца XVIII в. Во-вторых, древность происхождения этого соционима подтверждается этнографическими материалами. Так, например, в нормативной лексике карачаево-балкарского народа существует понятие *бойлу-ланган-чанка* (служилый чанка), которое, пожалуй, уходит в своих истоках в хазарский период истории. (ср. хазарский – *б.л.* – *ч.н.* и, вероятно, болгаро-славянский (болгарский) и русский *боляр/боярин*).

Во время комплексных этнографических экспедиций по Карачаю и Балкарии (1991, 1992, 1996, 1999, 2001 гг.), в которых участвовал и автор этих строк, зафиксировано достаточно большое количество фольклорных материалов,

дающих неоднозначное толкование происхождения термина *чанка* и статуса сословия чанков. Такое же положение отразилось и в дореволюционных публикациях.

Понятие «чанг» или «ч.н», видимо, сохранившись среди «субстратных» потомков хазаро-булгар – карачаевцев и кумыков, потеряло свое значение среди их поволжских со-родичей. Скорее всего, это было вызвано изменением не только этнографического облика переселенцев – части булгар, но и формированием в новых условиях иных социальных отношений. Можно также предположить, что этот термин не функционировал в социальной лексике булгар, а был присущ только хазарам, что и обусловило отсутствие в лексике тюркских народов Поволжья этого понятия.

Чтобы облегчить поиск синонимичных термину *чанка* социальных понятий у народов Поволжья, приведем сведения о нем из социальной культуры и лексики карачаевцев, у которых он сохранился как бы в «первозданном» виде.

Первые известные нам данные о наличии понятия *чанка*, связанного с привилегированным слоем населения в Карачае, сообщает Г.-Ю. Клапрот в 1807–1808 гг.: со слов Захара Ивановича Чергилова (многие годы жившего в Карачае), он отмечает, что сословие, происходящее от потомков бия (князя) и представительниц зависимых групп населения, называется у карачаевцев «тума или чанкуа»^{iv}. Этнографические материалы по карачаево-балкарским чанкам позволяют различать две их части: *чанка* и *тума-чанка*. Хотя информант Г.-Ю. Клапрота верно подметил происхождение тумов, в то же время это определение может быть отнесено не столько к чанкам и к самим тумам, сколько к части последних. Многие тумы являлись потомками обедневших чанков и *уллуузденей* (горских дворян), которые вынуждены были родниться с низшими, но свободными сословиями – *каракишами* (свободными общинниками) и *эскиазатами*. В этом случае их приравнивали к тумам. То же относится к

потомкам части обедневших кертиузденей (подразделение горских дворян), которые, породнившись с *азатами* (вольнотпущенниками, или бывшими лично зависимыми крестьянами) или с лично зависимыми крестьянами, приравнивались к каракишам, и их исключали из числа родовитых *узденей*, называя их *сыйсызёзден* (непочетный, неродовитый уздень). Что же касается самих чанков, то они имеют иное происхождение и правовой вес в обществе.

По карачаевским этнографическим материалам, происхождение чанков выражено понятием «чанка – *арыгъанбий*» (чанка – букв. «уставший, обедневший или низвергнутый князь»). Их достоинство подкреплялось принадлежностью к привилегированной категории населения – *аксюек* (белая кость). Хотя эти роды старались заключать внутрисословные браки, но породнение их исключительно с карачаевскими узденями (с узденями других народов они, как правило, не рождались) не считалось нарушением адата. Все чанкийские *тухумы* имели свои *атаулы* (внутритухумные роды), податное население – каракишей, азатов, лично зависимых крестьян (*кулов*).

В рапорте баталпашинского уездного начальника Н.Г. Петрусевича происхождение сословия чанков соответствует этнографическим данным и фольклору. «Чанка, – отмечает автор, – полукнязья, остатки прежних фамилий, владевших Карачаем и, как сами карачаевцы говорят, потомки прямой линии от Карча – древнего родоначальника Карачаевского общества (вернее, княжеских родов, и предводитель народа – *М.К.*), которое приняло настоящее свое название от его имени (? – *М.К.*). Они были сильны и влиятельны..., [но] мало-помалу теряют свое значение и не сравнивались с остальными узденями только потому, что в народе живут предания о их происхождении и прежнем влиянии, сами они женятся на дочерях... узденей и выдают за них своих дочерей, и через некоторое время всякое раз-

личие между этим сословием и свободными узденями из-гладится даже в народных понятиях, а потому сословие «чанка» можно сравнивать с личными дворянами»^v.

Однако вряд ли можно согласиться с подобным выводом – о приравнении чанков к личным дворянам. Во-первых, чанки, являясь потомственными владетелями Карачая (что следует из самой записки), не могут относиться к личным дворянам по происхождению и более раннему статусу. Во-вторых, будучи потомственными дворянами или князьями, они, хотя и причислялись к чанкам, но в любой момент могли претендовать на княжескую власть, привилегии, княжеское звание и при малейшем удобном случае, пожалуй, смогли бы претворить свои «планы» в жизнь. К тому же народная память давала им для таких действий основательную поддержку. По сути «личное дворянское» достоинство чанков было временным. Думается, что под личным дворянством чанков понималось их признание представителями этого сословия или это было нужно для формального определения их статуса в российском обществе (исходя из их приблизительного положения в своих социумах).

То же самое можно сказать о карачаевских чанках чегемского общества – Туудуевых и Джаубермезовых, которые до утверждения в Чегеме *таубиев* (горских князей) – потомков Болатоковых – были полноправными правителями Чегема и относились к «природным» (т. е. исконным) карачаевским биям (князьям) и за таковых они почитаются в народе и в наши дни^{vi}. Но в прошлом, не без вмешательства пришельцев—потомков все тех же Болатоковых, российское правительство не считало нужным рассматривать их сословный статус.

Подтверждением этого может служить заявление чанков Чегемского общества, в котором данные относительно их происхождения полностью соответствуют сведениям о сословии чанков в кубанском Карачае, приведенным

Н.Г. Петрусевичем: «происходим мы из предков от колен чегемских старшин [князей]...»^{vii}.

В 1870-е годы Комиссией для разбора прав сословий Терской и Кубанской областей, рассматривавшей правовой статус и экономическое положение горских сословий, основанные на докладе карачаевской депутации, отмечалось, что карачаевское общество состоит из биев (князей), уллуузденей (узденей первой степени), кара халаулу узденей (узденей второй степени), каракишей (свободных общинников), азатов (вольноотпущенников), не считая подразделений низших лично зависимых сословий. К высшим сословиям Карачая причисляли, кроме биев и узденей, *чанков*.

В приводимом документе «сословной» комиссии в Карачае чанки (наряду с биями, уллуузденями и керттиузденями) отнесены к свободным высшим сословиям. Правда, по документу, чанки, не имевшие своих узденей (в отличие от биев и узденей), были приравнены к тумам Кабарды. Такое определение их статуса не совсем правомерно. Во-первых, тумы Кабарды происходили от неравного брака мужчины княжеского происхождения и женщины из сословия уорков (дворян) или холопки^{viii}, что соответствовало карачаево-балкарским тумам-чанкам, или тумам. Во-вторых, если кабардинский тумам женился на княжне, то их дети считались князьями^{ix}. В-третьих, чанки Карачая имели своих караузденей (низших узденей), азатов (вольноотпущенников) и холопов.

В Карачае чанки, как отмечалось выше, в прошлом были реальными князьями, после же захвата власти иным родом их причисляли к сословию чанков. Кроме того, чанками считались отпрыски князей, которые женились на ногайских и сванских княжнах, узденках Карачая или на представительницах таубийских родов Балкарии, на дочерях некоторых абазинских княжеских фамилий (например, Лоовых и Бибертовых) и т.д. В случае женитьбы представителя

чанков на княжне сословное звание его потомков не менялось, и они причислялись к чанкам. Такой же порядок соблюдался при браке чанка с узденкой.

Когда же он вступал в родство с низшими сословиями, то его потомство причислялось к тумам. То же мы наблюдаем в узденской среде: дети, рожденные от узденя и холопки, причислялись к *тумалы саркыт/тумалы каракиши*, или *каракиши*. Такой статус карачаевских чанков и кабардинских тумам может быть истолкован не иначе, как сословная определенность первых и внесословное состояние вторых.

Таким образом, кратко исследовав функционирование понятия *чанка* в древнетюркской и в карачаево-балкарской социальной лексике, можно допустить, что оно, если исходить из факта хазаро-булагарского политического «симбиоза» в VI–IX вв., в прошлом присутствовало и в чувашской и в татарской лексике как титул. Дальнейшие изыскания по соционимам, политонимам, потестаронимам, связанным с понятием чанка или синонимичным ему термином, позволят (если, конечно, будут обнаружены источники и этнографические материалы), реконструировать социальную историю народов Поволжья, ономастика которых уходит своими корнями как в древнеиранскую, древнеуральскую, так и в древнетюркскую языковую среду и содержит много общего с социальными терминами (и не только) народов Северного Кавказа.

ⁱ Древнетюркский словарь. Л., 1962. С. 139.

ⁱⁱ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963. С. 143; Летопись Картли / Пер., введ. и прил. Г.В. Цулая / Тбилиси, 1982. С. 47.

ⁱⁱⁱ Джидалаев Н.С., Айтберов Т.М. «Чанка» // Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. Махачкала, 1985.

^{iv} Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 248.

^v Государственный архив Краснодарского края. Ф. 774. Оп. 1. Д. 650. То, что *чанки* в Карачае, в отличие, например, от Дагестана, воспринимались как князья, отмечают и авторы XX в., в частности И. Тамбиев, который, основываясь на известных ему документах, писал: «Чанка – это обедневшая, разоренная часть сословия “бий” (князь. – М.К.). Эта часть в силу различных условий и обстоятельств распрода-ла земельные участки, кулов своих (распри между биями ...)» (*Ислам Тамбиев. О Карачае и Балкарии* (сборник очерков, статей, заметок) / Сост., подготовка текста и приложения: И.М. Шаманов, Ф.И. Шаманова. Ставрополь, 2003. С. 119). Мнение И.Х. Тамбиева по вопросу о распродаже (или даже отнятии) чанками своих земель заслуживает внимания. Многие родовые земли Чипчиковых, Коджаковых, Темирболатовых и др. находились в пределах современного Малокарачаевского р-на Карачаево-Черкесской Республики и на западе современной Кабардино-Балкарской Республики. Эти земли в ходе распрей между князьями были у них отняты, но память об этом сохраняется по сей день. Так, все Хасаутское урочище и земли по Лахрани принадлежали чанкам Чипчиковым и Коджаковым (Материалы экспедиций Института этнологии и антропологии РАН. 1991, 1996, 2001 гг.).

^{vi} Материалы научных экспедиций Института этнологии и антропологии РАН. 1991, 1992, 1996, 1999, 2001.

^{vii} Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 31. Оп. 1. Д. 4.

^{viii} Обычное право адыгов и балкаро-карачаевцев в XV–XIX вв. / Сост. Х.М. Думанов и Ф.Х. Думанова. Майкоп, 1997. С. 285.

^{ix} Там же. С. 286.